

Изучение этнического состава Туркестана.

Научная литература по этнографии Туркестана, несмотря на свое изобилие, далеко не освещает многих сторон туземного быта. Своеобразный строй жизни и психики туркестанских народов складывался в течение долгих веков, сливши в себе элементы различных культур и сохранив много бытовых черт весьма древнего происхождения. Эта сложность явления сама по себе вызывает необходимость систематического и разностороннего изучения. А между тем, именно систематический и планомерный подход к этой сложной теме отсутствует в специальной литературе. Она носит эпизодический характер, как бы ни были ценны отдельные различные изыскания. Достаточно сказать, что сам основной объект изучения — племенной состав населения Туркестана и расположение его в стране далеко недостаточно изучен. В распоряжении науки до сих пор нет этнографической карты, дающей точную картину расселения туркестанских народов, т.е. расположения их в отношении к рельефу страны.

Хорошо известно, что строение поверхности могущественно влияет на развивающуюся в стране историческую жизнь. Расселение народов и его границы, природные условия хозяйственного процесса, степень легкости общения с другими народами, направляют развитие исторического процесса, то содействуя возникновению замкнутых культур и резкой оригинальности быта, то вызывая живое взаимодействие народов, делающее их быт однородным. Это общее положение, конечно, сохраняет свое значение и для Туркестана. Расположение его племенных групп отдельными массивами или, напротив, пестро и вперемежку есть сложный результат длительного исторического сожительства различных этнических образований, колоссальных катастроф прошлого, и медленного отстаивания отдельных несоединявшихся элементов или полного слияния других. Племенной состав Туркестана воспроизводит в себе и самые древние этнические пережитки и самые поздние наслоения. Расположение племенного состава резюмирует исторический процесс, обусловленный природными условиями, в частности и в особенности, строением рельефа этого великого лагеря народов. В горных массивах Туркестана сохранились древние насельники края; культурные речные долины дают картину пестрого смешения племенных элементов; степи, напротив, заняты однородными тюркскими массами.

Изложенные соображения привели меня к мысли о необходимости иного подхода к изучению этнографии Туркестана. Весною 1921 года я сделал попытку образовать постоянную научную организацию для изучения быта коренного его

населения. Мысль эта встретила живое сочувствие у местных научных специалистов и в тогдашних правительственных кругах. Благодаря содействию СНКма Туркесреспублики, мне удалось организовать при СНКме «Научную комиссию по изучению быта коренного населения Туркестана», в состав которой были привлечены выдающиеся специалисты из местных ученых. Комиссия выработала план, рассчитанный на длительное выполнение и охватывавший нормальный круг вопросов этнографии, при чем особый интерес комиссии вызывал вопрос о тюрко-иранских соотношениях, их взаимовлиянии в физиологическом типе, языке и быте. Изучение особенностей быта каждой племенной группы являлось основной задачей. Комиссия предполагала привлечь к своей работе антропологов, и только внезапная смерть антрополога и анатома проф. И. П. Рождественского помешала осуществить это намерение. Предполагалось, далее, выпустить книгу «Народности Туркестана», где каждому из основных народов Туркестана должна была быть посвящена специальная монография. Сверх того, тогда же было приступлено к составлению библиографии народоведения Туркестана. Таков был общий абрис плана работ. Однако, необходимым начальным подступом к развертыванию планомерной работы и краеугольным ее камнем было признано составление этнографической карты, детально определяющей в сущности основной объект этнографического изучения — племенной состав Туркестана и его расположение в стране. Эту работу предполагалось перебросить и в сопредельные страны после окончания ее в Туркестане. При обсуждении вопроса об основном критерии, на котором должно быть построено различение племенных групп и след. этнографическая карта, комиссия остановилась на признаке племенного самосознания и взаимопредопределения племен. Следует сказать, что ни один признак — ни язык, ни племенное самосознание, ни институты быта, ни физиологический тип — сам по себе не является исчерпывающим. Каждый из них следует корректировать остальными. Тем не менее, какой-нибудь один должен быть положен в основу, ибо в противном случае экспедиционное обследование приводило бы к массе произвольных определений, представляя собой не объективный материал, только подобранный на основе известного критерия, а многочисленные, основанные на различных соображениях заключения наблюдателей. Так, кожан колпаки Сырдарьинской обл. как и арабы Самаркандской, о которых ниже будет идти речь, говорят по-узбекски, но сохранили особый физиологический тип и сознание своей племенной принадлежности. При построении карты по признаку языка они должны быть отнесены к узбекам, и их истинная племенная принадлежность и происхождения не найдут себе выражения на карте. Карта, составленная на основе такого критерия, будет картой туркестанских языков и наречий, а не племен. Совершенно очевидно, что институты быта и физиологический тип в еще меньшей степени адекватны тому признаку генетического единства, который лежит в основе понятия племени и могли бы дать в первом случае схему распространения культурных институтов, а во втором — сколько-нибудь устойчивых физиологических типов. Однако, обе эти схемы не могут совпадать со схемой племен, в виду широты взаимовлияния и весьма распространенного перекрестного брака. Наконец, последовательное применение этих принципов предполагает громадную подготовитель-

ную работу по изучению всех наречий основных языков Туркестана, всего разнообразия физиологических типов и бытового строя различных туркестанских племен. С некоторыми оговорками, но все же более других применимым, имея в виду условия туркестанского быта, следует признать критерий самоопределения.

Обширные степные пространства Туркестана содействовали образованию огромных политических объединений кочевых народов, но они же обеспечивали их непрочность в условиях кочевого быта, повелительно диктовавшегося, особенно на ранних стадиях культурного развития, естественными условиями этих равнин. Однако, необеспеченность личности от политических и хозяйственных катастроф выработала устойчивое кровное объединение — родовой союз, институт, доживший до наших дней с тем же назначением хозяйственно - политической обороны в борьбе с природой и инородником. Все кочевые народности Туркестана и доселе объединены в родовые союзы, значение которых ослабляется для групп, переходящих к оседлой жизни, но память о которых передается из поколения в поколение. Эта характерная черта быта большинства народов Туркестана (казаки, киргизы, узбеки, туркмены) сообщила всему агломерату туркестанских народов повышенное племенное самосознание. Почти всякий туземец хорошо знает и четко определяет свою этническую принадлежность, а турк не только указывает свой род, но, если он сохраняет кочевой быт, нередко хранит в своей памяти длиннейшую родословную. Данные такой родословной могут вызывать сомнение в смысле своей достоверности, но характерен самый факт их традиционной сохранности, в общем четко определяющий основную этническую принадлежность. Разумеется, возможны случаи полного забвения отдельными группами кочевого и, особенно, оседлого населения своего происхождения на основе полного поглощения одной группы другой. Весьма давнее и многообразное смешение этнических элементов, по совокупности образовавших наблюдаемую группу, иной раз может привести к тому, что последние именуют себя просто по месту жительства. Однако, случаи последнего рода довольно редки и сами по себе показательны: при общей четкости племенного самосознания они говорят о смешанном и давнем образовании наблюдаемой группы. Наконец, наблюдается и обратные явления. Этническая группа, утратившая все черты своей былой особливости (в языке и быте) и вполне ассимилированная окружающей средой, сохраняет четкую память о своем инородном происхождении. Таким образом, племенное самосознание следует считать четко выраженным у туркестанского туземца, и это дает в руки историка-этнографа путеводную нить при анализе современного этнического состава Туркестана. Традиционно передаваемое из поколения в поколение племенное самосознание не удостоверяет факта племенной принадлежности не только для настоящего времени, но и для прошлого наблюдаемой группы. Однако и здесь необходимо оговориться, что давность этого сознания ничем не гарантирована, и сложиться оно могло, конечно, в результате слияния различных этнических элементов при преобладании одного из них или равновесии всех (самоопределение по месту жительства). Во всяком случае, следует признать, что для современного племенного расчленения такое самосознание совершенно авторитетно, для выяснения же генезиса наблюдаемой группы оно дает указание, до известной степени резюмирующее этот генезис.

Претендуя только на то, чтобы дать картину действительности определенного места и времени, карта, составленная на этом принципе, точно обрисовывает исторический факт и дает незаменимый материал для последующих изысканий. Пользование остальными признаками, как коррективами, достаточно гарантирует научную осторожность. Так, обширная группа сартов под влиянием политических событий последних лет частично определяет себя, как узбеков, но противопоставление физиологического типа, говора и факт отсутствия родового строя по совокупности достаточно удостоверяют их этническую принадлежность.

По изложенным соображениям представлялось наиболее целесообразным положить в основу этнографической карты Туркестана критерий племенного самоопределения.

Остановившись на этой точке зрения, комиссия сознательно устранила количественное определение этнических групп из числа своих задач по двум соображениям. Определение общей численности и плотности населения на известной территории, есть задача чисто статистическая, находящая свое наглядное решение в статистической картограмме. Необходимый материал этого рода дает статистическая перепись 1920 года. С другой стороны, установление количественного соотношения отдельных этнических элементов в местах сплошных поселений определенного племени, вообще, не может иметь места, а в районах смешанных поселений неизобразимо на карте. Невозможно, например, изобразить даже на 2-верстной карте процентное соотношение этнических элементов каждого кишлака Самаркандской области, где население бывает столь смешанного состава. Но смешанность этого состава, элементы его составляющие, т.-е. его качество, вполне изобразимы. Именно здесь и лежит своеобразная задача этнографа в пределах рассматриваемой темы, ибо статистик интересуется общими величинами и их соотношением. Индивидуальные и частные явления служат только материалом для его обобщений, этнограф же интересуется и всеми частными явлениями, в данном случае этническим составом каждого из населенных пунктов, в совокупности дающих индивидуальную картину пределов распространения каждого племени. Исходя из вышеизложенных соображений, комиссия выработала подробный вопросник, кроме того, специальный наказ по собиранию материалов для этнографической карты. Наказ предусматривал установление, на основе принципа самоопределения, племенного состава каждого населенного пункта, а для кочевых народов и родового их состава, что, конечно, крайне важно как для определения этнической принадлежности наблюдаемой группы, так и для картины состава и локализации родов данного племени. Следовательно, каждая партия должна была фиксировать на своей рабочей карте племенной и родовой состав населенного пункта, заносая, кроме того, его название в свои списки в той форме, как оно занесено на географическую карту, во-вторых, при помощи академической транскрипции записывая форму, в которой оно произносится местным населением. В особую графу примечаний должны были заноситься предания, если таковые окажутся среди местного населения, об образовании данного населенного пункта. Таким образом, параллельно с материалами для этнографической карты должен был собираться материал и для историко-географического словаря. Не излагаю здесь технику

обозначений на карте, слишком специальную для журнальной статьи. Необходимо указать только, что в основу работы положена была карта 10-ти верстного масштаба издания Топографического Отдела Главного Штаба. Столь крупный масштаб был избран в виду крайней местроты и пустоты населения некоторых районов Туркестана (Мианкальская долина). При организации экспедиций состав их был подобран из научно-подготовленных и знающих местную жизнь и языки студентов Туркестанского Восточного Института под руководством членов комиссии. Вопросник и вышеупомянутая инструкция определяли границы и приемы исследования. Экспедиции, разбившись на партии, должны были объезжать свою область из волости в волость, производя в каждой из них опрос сведующих лиц приемом независимых и перекрестных показаний.

В первую очередь намечены были три экспедиции в Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую и Закаспийскую области, в которых в то время возможна была спокойная работа, за исключением некоторых районов, захваченных басмачеством. Позднее предполагалось обследовать Хиву, Бухару, Фергану и Семиречье. Летом 1921 года удалось организовать две экспедиции: в Сыр-Дарьинскую (6 человек) и Самаркандскую (4 человека) области. Руководитель первой из них был А. А. Диваев, а второй М. С. Андреев. Третья предложенная экспедиция в Закаспий не могла состояться, и в области работал один Н. Н. Иомудский, составивший карту о. Челекена. К сожалению, работа двух состоявшихся экспедиций протекала в очень неблагоприятных условиях. Вместо намеченных 2—3 месяцев, Сыр-Дарьинская экспедиция проработала около месяца, а Самаркандская несколько более месяца. Среди самого разгара работы пришлось вернуться с поля за приостановкой, а затем и полным прекращением кредитов. Не удалось исполнить плана, рассчитанного на гораздо больший период времени, пришлось потерять всю вторую половину летней кампании. Несмотря на столь неблагоприятные обстоятельства, экспедиции дали существенные результаты. В Сыр-Дарьинской области была составлена карта обширного Казалинского уезда и собран в соответствии с вопросником бытовой материал. Самаркандская экспедиция собрала материалы для карты Самаркандского и Катта-Курганского уездов, за исключением небольшого числа волостей, охваченных в ту пору басмачеством, и сделала целый ряд интересных наблюдений над бытом населения. Наконец, обе экспедиции дали научной комиссии практический опыт, который и был использован при организации следующего летнего периода. Быстрое движение по стране в целях собирания материала для карты (в среднем 2 дня на волость) препятствовало широкому розысканию в объеме первоначального вопросника. Наблюдение успевало останавливаться только на выдающихся сторонах быта; если же расширялось, задерживало движение карты. Этот опыт работы в поле показал необходимость, при сохранении основным заданием составления карты, сознательно сузить круг наблюдения и остановить внимание на вопросах особенно важного значения. Под воздействием революции и хозяйственного кризиса последних лет традиционный уклад туркестанской жизни местами быстро нивелируется. Меняется форма быта, угасают верования и предания, забываются обряды. Традиция быта, завещанная столетиями, стирается под воздействием нашего революционного вре-

мени. В этих условиях приобретают особый интерес для этнографа наиболее древние пережитки, легче всего подвергающиеся разрушительному воздействию новых веяний. Летом 1922 года, благодаря содействию зам. пред. Совнаркома Н. А. Паскудского, удалось вновь послать две экспедиции.

Организуя эти экспедиции, научная комиссия поставила им в качестве твердого задания исполнение карты определенного района в соответствии с прежним наказом, связав с этим небольшой круг вопросов, направленных к выяснению особенностей быта наблюдаемых этнических групп, в частности, древних пережитков разного рода, сохраняющихся в их быту. Таким образом, задачи экспедиции несколько сужались: карта, материал для историко-географического словаря и наблюдения разведочного характера, могущие послужить позднее для более систематических розысканий. Экспедиции были направлены снова в Сыр-Дарьинскую и Самаркандскую области. Первая, состоявшая из шести человек, была сразу разбита на партии, каждой из которых был назначен определенный район обследования. По изучении его, партии возвращались в Ташкент для черновой сводной работы и для переброски в другие районы. Самаркандская экспедиция состояла из 3-х человек и находилась попрежнему под руководством М. С. Андреева. К сожалению, и на этот раз экспедиции работали краткий срок: вдвое менее предполагаемого (Самаркандская — 3 недели, Сыр-Дарьинская около 1 месяца). Причина та же — прекращение кредитов. Экспедициям удалось, однако, обследовать три уезда Сыр-Дарьинской обл. и значительную часть Ходжентского у., Самарканд. обл. Внезапное прекращение, в виду финансовых затруднений Туркеспублики, отпуска денег тяжело отразилось на выполнении плана комиссии. Рассчитывая исполнить в течение лета карту обеих областей и направляя поэтому партии в разные уезды каждой из них, научная комиссия, остановленная в своих работах, получила отрывочный материал и не могла дать ни одного места карты, т. к. в пределах каждого из них остались необследованные места.

Результаты этой работы, в самом начале остановленной обстоятельствами, можно свести к нижеследующему.

В Сыр-Дарьинской области целиком обследованы уезды: Казалинский, Туркестанский и Чемкентский, а также почти весь Ташкентский уезд. Пять необследованных волостей были захвачены басмачеством. Необследованными остались Перовский, Аулеатинский и Голодностепский у.у. Таким образом, из общей площади в 343.367 кв. верст обследовано около 51%. При этом состав населения области обследован почти в 70% (616.745), т.е. основная часть работы сделана, ибо она захватила значительно большую часть населения области. В Самаркандской области обследованы целиком Катта-Курганский у., почти весь Самаркандский, за исключением пяти горных волостей, захваченных басмачеством, и половина Ходжентского уезда. По Джизагскому уезду имеется материал более ранних обследований М. С. Андреева. Таким образом, здесь обследовано 83% населения и 94% площади, т.е. работа почти закончена. Меньший % обследованности Сыр-Дарьинской области объясняется значительно большим населением и в пять раз большей площадью. В пределах обследованной территории обеих областей собраны материалы для карты и историко-географического словаря, записано

несколько тюркских родословных, и сделано много интересных наблюдений над бытом туземца. Остановлюсь прежде всего на результатах обследования этнического состава¹⁾. В обеих областях не только определены состав и размещение племенных групп, но исследовано и нанесено на карту: расположение всех наблюдаемых тюркских родов. «Одних узбеков записано около пятидесяти родов, делающихся приблизительно на полторасто колен». Полная запись узбекских родов, произведенная впервые, особенно ценна теперь, при развивающемся ослаблении родового начала и все более интенсивного перехода узбеков к оседлому быту. Если бы удалось довести эту работу до конца, охватив Хиву, Бухару, Фергану и частью сопредельные страны, в руках этнографа оказался бы весьма интересный материал для изучения состава узбекского народа и освещения его неясного происхождения. Да и вообще изучение родового состава и его локализации для истории тюркских племен весьма существенно.

В этническом составе Самаркандской области экспедиции удалось сделать интересные открытия: среди узбеков были обнаружены арабы и туркмены. Перепись 1920 г. не зарегистрировала ни тех, ни других, но всей вероятности, оттого, что определение племенной принадлежности строилось на признаке языка: арабы и туркмены Самаркандской области говорят по-узбекски. Арабы найдены в западной части Самаркандского уезда, а также в Катта-Курганском. Их поселения рассеяны между поселениями других групп. Приняв язык и нравы окружающих их узбеков, они сохранили резко выраженный особый физиологический тип и горделивое сознание своего происхождения. По словам их, арабы, живущие в Бухаре, еще сохранили свой язык. Туркмены обнаружены в небольшом количестве в Самаркандском у. и в довольно значительном количестве в северной части Катта-Курганского уезда (целая волость Накрутская). Поселения туркмен найдены М. С. Андреевым и в сев.-западном конце Нуратинских гор. «Туркмены, проживающие в Самаркандской области, — писал М. С. Андреев, — подверглись сильному узбекскому влиянию и притом в такой степени, что они сами склонны считать себя за один из узбекских родов, хотя среди них попадались старики, слышавшие предания, что они являются осколками туркменского народа, проходившего когда-то этими местами. «Мы приходим от одного прадеда Эрсори, — говорили старики в одном месте, — те, у которых было много скота, прошли дальше, уйдя в те земли, где находятся сейчас туркмены, а не имевшие скота остались здесь и занялись земледелием». Несмотря на упомянутое сильное влияние окружающих узбеков, эти туркмены, подчинившиеся в значительной степени узбекскому быту, все же сохранили и некоторые свои особенности, позволяющие их отделить от узбеков. Помимо чисто физических расовых признаков (несколько более высокий рост, разница в типе лица, строении тела и пр.), по которым туркмены легко отличают даже незнакомых им туркмен среди узбеков, их язык тоже разнится от узбекских наречий. До самого последнего времени среди туркмен Самаркандской обл. сохранились характерные туркменские певцы — б а к ш и и с а з а н д а р ы. И сейчас, по словам встреченных экспедицией туркмен, в сосед-

¹⁾ См. журнал „Военная Мысль“ 1921 г. Ташкент, кн. 3-я, август—декабрь, стр. 276—281

ней бухарской полосе жив известный бахши Джалгаше... Туркмены Самаркандской области делятся на несколько родов. От узбеков, в числе прочего, они отличаются умением выделять ковры».

Как было указано выше, помимо изучения этнического состава, экспедиции сделали ряд наблюдений над бытом. Так, наблюдая быт самаркандских узбеков, экспедиции установили процесс быстрого исчезновения в их среде исконного жилища тюрков — юрты. Это явление развивается за последнее время; до сих пор юрта упорно держалась даже и в среде оседлых узбеков. В Афтабруинской и Тюя-Тартарской вол. она сохраняется и сейчас, но новых юрт уже не заводят. Там, где имеются юрты, почти повсюду есть и глинобитные постройки, куда приходят на зиму, складывая юрту под навес. Только местами живут еще круглый год в юртах. «Решающим фактором являются экономические условия. В настоящее время проживание в юрте является роскошью, которую могут позволить себе только очень зажиточные. Сильно повлиял в данном случае несчастный 1917 год (голодный год Туркестана), когда умерло много народу (многие узбекские селения представляют и сейчас наполовину развалины). Многие распродали свои кошмы с юрт и, вместе с общим упадком зажиточности и уменьшением скота, не были в состоянии завести себе войлоки, необходимые для юрт. В настоящее время исчезли с рынка и мастера, предлагающие различные части юрт, очевидно, в виду отсутствия спроса, и только в одной волости было найдено существование на рынке новых юрт, которыми продолжают обзаводиться разделяющиеся семьи. В общем же мы находимся накануне полного исчезновения юрты среди узбеков Самаркандской области»¹⁾.

Не лишены интереса наблюдения над местными цыганами. Ведя обычный для них кочевой образ жизни, они занимаются различными ремеслами, воружбой, коновальством и т. п. Меж собой делятся на несколько родов или племен. Официально они мусульмане. Грамотных нет. Языка особого не имеют, говорят по-таджикски и по-узбекски, кроме одного рода «аугон-мюли» (афганские цыгане), говорящего на особом языке, непонятном для остальных. Встретить их не удалось, и язык их остался невыясненным. Цыгане имеют своеобразное самоуправление, выбирают своих аксакалов, которых после выборов поднимают на войлоке — «старинный обряд, вероятно, тюрко-монгольского происхождения, соответствующий коронованию».

Но самые интересные факты обнаружены в быту арабов: у них найдено было идолопоклонство и культ очага. Численно небольшая секта арабов поклоняется двум идолам. Один, мужского пола, называется Ирфанаук, другой, женского пола, называется Бубу-Айш или Бигишт-Били. Вытесанные из дерева, они высотой немного больше аршина, одеты в белые одежды, имеют украшения. Находятся они в разных селениях, верстах в тридцати друг от друга. Раз в год их свозят в одно место. Бигишт-Били — покровительница рождающих и бесплодных женщин. К ней приезжают издалека за помощью, привозя с собою для заклания козленка или какую-нибудь другую жертву. Каждый из идолов имел в доме,

¹⁾ Л. с., стр. 278.

где он хранился, особое помещение. После недавних гонений, поднятых против их почитателей ревностными мусульманами, культ тщательно скрывается. Повидимому идолов удалось спасти, заявив об их уничтожении. По крайней мере один из них существует, и экспедиции едва не удалось его видеть. Среди окрестных узбеков никто не разделяет этого верования, и это наводило на мысль, что культ имеет специфически арабское происхождение. Однако, позднее встретились указания на аналогичный культ среди горных таджиков, тоже тщательно скрываемый. К сожалению, прекращение работ научной комиссии помешало обстоятельному изучению этих несомненно древних остатков религиозных верований, вероятно, домусульманского периода.

Среди тех же арабов найдена секта «поклонников очага». Во главе секты стоит «старший очага» («учаг агасы»), избираемый членами. Избирается обычно старший по годам. На нем лежит обязанность приношения жертв очагу, к которому прибегают с различными молениями, в частности, — об исцелении больных.

Не останавливаясь на целом ряде других совершенно новых наблюдений экспедиций науч. комиссии, укажу только, что летом 1922 года Самаркандская экспедиция, руководимая М. С. Андреевым, наткнулась на интересные предметы верований в Аримана («Ахриман»), до сих пор существующих среди таджиков Ходжентского района, а также пополнила материалы М. С. Андреева, касающиеся злого духа Ал-Босты, божества женского пола, культ которого до сих пор широко распространен в Средней Азии. Этот неполный и сжатый обзор попутных наблюдений экспедиций, главной целью которых было составление этнографической карты, красноречиво говорит о богатстве туркестанского быта многообразными пережитками далекой старины, готовыми исчезнуть в условиях быстро развивающейся жизни. Систематическое и своевременное их изучение, несомненно, приведет к расширению круга наблюдаемых фактов, к открытию новых горизонтов в истории быта туркестанских народов. Работа по изучению этнического состава и составление этнографической карты, связанная с разносторонней научной разведкой, охватывающей весь Туркестан, должна послужить прочным основанием последующих специальных изысканий.

Здесь уместно указать, что составленная на принципе самоопределения этнографическая карта Туркестана, помимо научного, имеет и другое актуальное значение. Последние годы все отчетливее складывается национальная автономия туркестанских народов, которая должна обеспечить их свободное развитие. При разнообразии условий жизни и бытового уклада отдельных племен, при организации новой государственности необходимо хорошее знание туземной жизни во всех ее особенностях. Только при этом условии возможно оценить практическую применимость множества правительственных мероприятий. В частности, при разграничении территорий различных народов возникает множество спорных вопросов. В районах соприкосновения кочевых племен постоянные споры и столкновения из-за пользования пастбищами и колодцами. В районах соприкосновения оседлых групп не менее спорны поселения смешанного типа, где поднимается вопрос не только о численном преобладании той или иной народности, но оказывается спорной и самая принадлежность населения к той или иной этнической группе.

При таких условиях объективно составленная для специально научных целей этнографическая карта является совершенно незаменимым основанием справедливого разрешения споров. В то же время она является необходимым подходом к систематическому изучению строя туземного быта вообще, ибо, только имея ясную картину территориального расположения племенных групп, можно оценить многие специфические и важные особенности быта отдельных племен. Так, пределы и направления кочевий, туркмен-иомудов и казаков в районе Мангышлака, хозяйственное единство территории иомудов и их двуданничество, расположение текинцев по рекам, истоки которых принадлежат Персии и Афганистану, в связи с вопросом о разграничении вод, сопредельные поселения казаков, сартов, таджиков и киргиз и вопрос об их разграничении, — все это существенные проблемы жизненной важности, объективное решение которых возможно только на основе предварительного изучения территориального расположения племенных групп. Многочисленные конфликты, возникавшие в сфере вышеуказанных и аналогичных им соотношений, всякий раз вызывали специальные обследования, каждое из которых в конце концов и прежде всего опиралось на картину территориального расположения племен и связанных с этим его интересов.

Научно составленная этнографическая карта раз навсегда дала бы возможность объективного рассмотрения такого рода вопросов и, кроме того, служила бы естественным базисом для всех обследований хозяйственного и культурного быта туркестанских племен.

На пути всестороннего и систематического изучения Туркестанской жизни существенные научные результаты допустимы только длительными усилиями многих исследователей. Вот отчего нельзя не приветствовать издавна обозначившееся начинание создать два параллельные научные органа в Туркестане и Москве, предназначенные к объединению в плане и исполнении работы по изучению Средней Азии во всем своеобразии ее оригинальной и глубокой жизни. Только тогда ценная работа местных ученых может стать известной и оценимой в центре, а, с другой стороны, их разрозненные усилия могут получить и помощь и систематический характер под воздействием более богатого культурными и материальными силами центра.